

18+

Ксения Чижикова

Обычная история

Ксения Чижикова
Обычная история

«Издательские решения»

Чижикова К.

Обычная история / К. Чижикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-656097-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Это книга о двух людях — Константине и Елене. Я хотела написать очень будничную историю, очень обычную, но при этом о том, что любовь и рождается, и существует в очень обычных вещах — в автобусных остановках, в холлах больниц, в прихожих с мутными зеркалами и кухнях с облезлыми клеенками. Я хотела, чтобы обставлено все было, как самый банальный сюжет, но чтобы все атрибуты были, а начинка у этого несчастья была другая — искрящаяся.

ISBN 978-5-00-656097-0

© Чижикова К.

© Издательские решения

Содержание

Обычная история	6
1	7
2	8
3	10
4	11
5	12
6	13
7	14
8	15
9	16
10	18
11	20
12	22
13	23
14	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Обычная история

Ксения Чижикова

© Ксения Чижикова, 2025

ISBN 978-5-0065-6097-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обычная история

Посвящается Ф.

Like a rush of blood to the head!

1

Меня зовут Константин. Как императора, да. Это первое, что я обычно говорю. С этого, наверное, и надо начать.

Вообще-то я не особенно планировал рассказывать эту историю, и уж точно не планировал рассказывать ее сам. Я из тех, кто обычно болтается на втором плане, мелькает в массовке. Уж точно не из тех, кто выходит на первые роли и хвастается перед зрителями своим мастерством рассказчика.

Так вот. Меня зовут Константин.

Логично, не правда ли? Первым делом назвать свое имя. Надо же как-то обращаться. Эй, вы – это долго не работает. Позвольте, подождите – это работает, но так уже никто не говорит. Помогите мне – так вообще никто не начинает фразу. И правильно делает. В нынешние дни никто не любит, когда их просят о помощи.

Шесть месяцев назад у меня умерла жена. Но история будет не совсем о ней – о ней, конечно, но не совсем. Если я начну говорить про нее, то надо рассказать, как мы познакомились. А я не хотел бы начинать с этого. Я хотел бы начать намного раньше.

Ее не стало. Я каждое утро езжу на работу на автобусе. Иногда, когда совсем хорошая погода, я хожу пешком и могу даже протрусить пару метров. Но это я перестал делать примерно тогда же, когда перестал воображать себя олимпийским бегуном и носить короткие беговые трусы. Они до сих пор лежат у меня где-то в глубине шкафа, но теперь я только хожу. Но чаще езжу. На автобусе.

Ее не стало шесть месяцев назад, но я только сейчас подумал, что жизнь – это автобус. Ты едешь-едешь, едешь-едешь, и рано или поздно будет твоя остановка. Ты можешь тешить себя надеждой, что остановки не будет. Но остановка будет. Кому, как не мне, об этом не знать. Или, пробыв долго на одной остановке, замерзнув и продрогнув до костей, потому что эти идиоты опять отменили весь транспорт – твой автобус вдруг приходит, и тебе, подобрав руками полы пальто, опять надо в него лезть. Даже если тебе нравилось на этой остановке. Даже если ты всю жизнь хотел бы остаться на этой остановке. Хотя я, положим, был не уверен, что хочу остаться на ней всю жизнь. Придется дальше ехать в автобусе, одному, оглядываясь по сторонам, как будто ты отправился в кругосветное путешествие, отчалив прямо от дома. Или тебя отправили куда-то, и неизвестно, когда ты вернешься домой. Запоминать тебе дорогу? Или нет? Оставлять какую-нибудь вещь на память? Бросать монетку в реку? Стучать в окно, чтобы помнили – ведь, когда вернешься, ты тоже однажды ночью постучишь? Или никуда не стучать, не оборачиваться? А просто ехать и смотреть вперед?

Многовато вопросов для одного автобуса. К тому же такого вонючего, как этот.

Мне теперь надо ехать в автобусе одному. Оглядываться, вытягивая шею из рубашки, на которую я, чуть было, пока гладил, не поставил пятно. Сложить руки на коленях. Я забрался сюда, сгорбив спину, забрался и даже нашел свободное место.

Автобус продолжает свое движение. Я слегка подпрыгиваю на месте. Я сижу тут.

2

Меня назвал отец. Конечно же. Моей матери, вечно суетящейся по любому поводу, мое укорененное в римских императорах, гордое имя не очень нравилось. Не вязалось с орущим младенцем, потому что отец называл меня не иначе как Константин. С самого рождения. Константин снова волнуется (так он называл мои ночные просыпания). Константин хочет еды. Константин опять орал. Константин меня разочаровывает. Я не допущу, чтобы у нас рос тупой ребенок. Да он не тупой, дорогой, он просто не понимает. Надеюсь, холодно отвечал отец. Надеюсь, что не понимает.

Мать отказывалась называть меня Константином. Называла Костя. Или «Тя», как я сам придумал в два года. Я сам долго не мог это выговорить, к неудовольствию отца, который хотел, чтобы я говорил четко, верно и с идеальными ударениями, лет примерно с трех. И желательно короткими емкими фразами. Как он сам.

– Константин, выпрямись, – бросал он мне за обеденным столом. – Константин, сними ботинки и головной убор, когда в квартируходишь!

Мой отец не мог сказать «кепка». Ему надо было сказать «головной убор».

У него было два состояния. В одном он молчаливо и сдержанно поправлял мир, поправлял всех, потому что все вокруг никогда не стояли достаточно ровным строем. Он никогда не крысился, не окрикивал, не хватал за шиворот и не ставил на положенное место – он только поправлял. Легонько ударял линейкой по пальцам, чуть-чуть касался палкой спины. И это не буквально – ни линейки, ни палки у него не было.

– Незлобный человек твой отец, – говорила мать. – Не злобный.

Я ни разу не видел, чтобы они ссорились или кричали друг на друга. Ни разу никто не выскочил на лестничную клетку и не заорал «Сука!!»

В нашем доме не было ссор. В своем первом состоянии отец мой был человеком фантастического, почти на грани одержимости самоконтроля. У него было умение владеть собой до такой степени, что даже сломав однажды руку, он не охнул, не вскрикнул – а, зажав зубы, прошипел матери звонить в скорую, сам спустился по лестнице и залез в их машину. Они чуть ли не удивились, зачем вообще было приезжать.

Он владел собой и таким образом владел миром, мой отец. Нет у меня никаких других слов, чтобы это описать.

Мой отец пытался быть школьным учителем. Недолгий и странный период, слава богу, не в моей школе. Зачем он туда устроился, да еще и физруком, я понятия не имел. Он был длинный, тонкий – даже тоньше, чем я – но мускулистый, и мог бежать, как мне в детстве казалось, сколько угодно. Любимым его видом спорта был лыжный кросс.

– Если отцу твоему надо, он сожмет зубы и до северного полюса добежит, – говорила моя мать. – Ему только дай.

И все равно – я понял бы, если бы он захотел стать, например, историком. Но никак не физруком. Свистеть в свисток и раздавать школьникам с очень белыми ногами и подбитыми коленками команды? Это было вообще на него не похоже.

Он проработал там несколько месяцев – ну максимум четверть, две, пока его не уволили. Турнули, как он сказал, невозмутимо пожав плечами.

Он вообще никогда не радовался успехам и не печалился неудачам, мой отец. И на то, и на другое ему было глубоко все наплевать.

Он не сказал, почему его уволили, сколько бы мать не прыгала вокруг и не спрашивала, делая вид, что ее это совершенно не интересует. А потом – город маленький – она столкнулась с учителькой оттуда. И та ей рассказала.

Оказывается, иногда, вместо того чтобы заставлять скорбных школьников бегать по кругу или отжиматься по нормативам, мой отец сажал их а два ряда на длинные скамьи, становился – как был, в спортивном костюме – перед доской, и начинал разглагольствовать. О чем именно он говорил, та учителька сказать не смогла. О религии, вроде. Я в религии плохо понимаю, но разве можно детям – детям! – в таких терминах рассказывать? Разве можно вместо того, чтобы заставлять их бегать по кругу и играть в баскетбол, рассказывать им про грехи, и про чертей, про то, что они все еще чистые и могут выбрать иной путь, но общество уже выбрано неверный путь, неверный, понимаете? Как вообще такое можно детям говорить, я вас спрашиваю. Я не говорю, что ваш муж больной какой-то, нет, вы не подумайте, что я так говорю, но что-то там определенно есть, я говорю, нет, я вас ни в чем не обвиняю, да нет, Марина Валерьевна, я же сказала, я вас...

Ага. Моя мать делала вид, что все это было ей незнакомо. Как будто отец не разглагольствовал также и перед нами, а мы не делали вид, что не замечаем. Как будто он иногда, зажав пальцами край стола, не принимался за эту волюнку, и весь его железный контроль вдруг исчезал, и появлялся фанатик, и он говорил так, что мы даже не смели спорить – хотя в его этих словах, которые он все пытался нам передать, по-моему, ничего особенного не было.

Он говорил о Боге, о том, что искал Бога, искал непонятно где и что все рано или поздно его найдут, как он нашел, а мать косилась по сторонам опасливо, как будто уже тоже должна была найти, но засунула его куда-то, и теперь понятия не имела, где он притаился. Отец нечасто так делал – раз в месяц, раз в три – но яростность, с которой он это говорил, была такая, что и шепку нельзя было вставить, ничего ему нельзя было возразить, он просто не потерпел бы возражений.

Посмотрели бы вы, как можно было бы спорить с моим отцом. Никак.

Мать спросила у него об этом. Смущенно, но все-таки спросила.

Отец сразу заледенел.

– Марина. – сказал он спокойным и аккуратным голосом. – Этим детям надо было это сказать.

Он взял вилку и добавил:

– Возможно, кто-то из их понял.

– Но ты же физ-культурой. – она запнулась. – Должен был с ними заниматься.

– Физкультурой.– повторил отец. – В слове «физкультура» есть слово «культура». Ты не замечала этого?

Он всегда спрашивал как-то так, что мать выглядела полной дурой.

Я хотел было сказать, что слово «культура» еще не значит слова «религия», но промолчал. Я вообще профессионально научился сдерживать себя, когда рядом был отец. Это чуть ли не единственное, чему я у него научился.

Даже не так – я был параллельно, а отец был параллельно, и мы так и ехали по своим параллельным лыжнями. Главное было не наезжать друг на друга неудобными деревянными лыжами и потом долго и неприятно разлепляться, держась за снег, втыкая палки в землю и стараясь не упасть. Спорить с ним было бесполезно, говорить ему что-то крайне редко имело смысл – проще было ехать, отталкиваясь от промерзлой земли, и зная, что он тебя не замечает. А если мой отец кого-то замечал, это само по себе уже было явлением.

3

Я инженер. По-моему, неплохой. Не один я так говорю – это такое же качество, как, скажем, организованность – все предметы на своих местах – и чистоплотность – аккуратно начищенные ботинки в прихожей.

Когда моя жена на меня злилась, то говорила:

– Плюнуть бы на эти ботинки.

Я говорил.

– Ну и плюнь.

Она смеялась. Когда она смеялась, она всегда хваталась за мое плечо.

Я понятия не имел, почему она так громко и долго смеется. Но рад был, что ее насмешил. Шутки, в отличие от сложных производственных механизмов, не моя специализация.

Я несколько раз пытался ей объяснить, чем занимаюсь, но она ни разу не поняла.

– Ты объясняешь так скучно, заснуть можно!

Она качала головой и подхватывала пульт от телевизора. Она была из тех, кому очень нравилось смотреть телевизор – особенно шоу, где сильно накрашенные женщины, одетые в костюмы, бесконечно что-то обсуждали. При этом они сидели в разноцветных креслах и задавали друг другу вопросы, в более или более высоких тонах. Она наклонялась и никак не могла оторвать от них взгляд – как будто притягивали ее туда.

Мне нравится рассматривать, как вещи устроены. Всегда нравилось. По правде говоря, я думал, что у меня на это будет больше времени. Я думал, что не женюсь. То есть примерно никогда.

Эта мысль не вызывала у меня ни восторга, ни сожаления, она была такой же обычной, как то, что за весной будет лето, а за осенью зима, а религия не доводит до добра – фраза, которую сказала моя мать, когда исчез мой отец. Однажды он без объяснений ушел из дома. Вместо того, чтобы закрыть ключом входную дверь, он прикрыл ее, сунул ключ под коврик и ушел. И больше не возвращался.

Мне тогда было лет четырнадцать.

Моя мать даже не пыталась его искать.

Она просто подала заявление об исчезновении. А потом их развели.

Кажется, когда отец исчез из нашей жизни, я должен был расстроиться. Все как будто от меня этого ждали. Мать. Сосед по парте. Учителя в школе.

На самом деле я не ощущал ничего – ни дыры, ни пустоты, ни свистящего чувства дезориентировки, когда теряешь что-то и знаешь, что потерял это насовсем. Вроде как ключи выпадают из портфеля, и ищи их теперь, свищи, и точно знаешь, что не найдешь, даже если граблями прочешишь весь путь из школы домой.

Я ничего не чувствовал. Не было никакой свистящей дыры. Отец просто исчез, посчитав, что больше нам не нужен. Не понадобится. В общем-то, он был не так уж и неправ.

4

Мать беспокоилась за меня.

Спрашивала:

– Хочешь поговорить об этом?

– О чем?

– Ну... о том, что папа с нами больше не живет.

Я поднял глаза и посмотрел на нее.

– Нет.

А потом, потому что она продолжала ждать ответа:

– У нас суп еще есть?

– Есть.

Она поднялась и налила мне еще.

– Точно не хочешь поговорить?

– Нет.

В конце концов, к моему вящему неудовольствию, она повела меня к школьному психологу.

Психолог оказался таким старым, что я удивился, как ему все еще разрешают работать. На вид ему было лет восемьдесят, не меньше, и он не говорил, а шелестел, откинувшись на спинку кресла и глядя на меня сквозь очки в железной оправе.

– Вообще-то я не психолог, а психиатр. – прошелестел он. – Я Светлану Леонидовну заменяю. Что с вашим... эээ.. юношей?

Мать посмотрела на него с ужасом.

Он задавал мне какие-то вопросы. Показывал картинки. Спросил, не слышу ли я голоса или не вижу ли невидимых людей. Пока он говорил, медленно двигал руками в воздухе, и со своего места я видел, как у него распухли суставы. Болят, наверное.

Он как-то подозрительно быстро прекратил свои расспросы.

И спросил мою мать:

– Зачем вы пришли?

Она замялась и стала что-то говорить про то, что когда нет отца, надо...

Психиатр перебил:

– Может, это вам здесь нужна помощь? А не вашему сыну?

Она замолчала и вся подобралась. Потом сказала мне:

– Подожди в коридоре.

Я сидел и ждал ее на лавочке, вытянув но полкоридора ноги.

В конце концов она вылетела из кабинета. Лицо у нее было гораздо более веселое, чем раньше.

– Пошли. – сказала она мне почти весело. – Пошли отсюда.

5

После того кабинета мать приободрилась. С каждым днем она становилась все веселей и веселей. В конце концов она даже начала петь на кухне, готовя блинчики. Петь! Правда, когда я заходил, она резко замолкала и прикрывала рот ладошкой, как толстая девочка в детском саду, когда стащила из вазочки большую конфету.

Она стеснялась того, как громко она смеялась. Отец бы поморщился и ни за что не одобрил ни пения, ни смеха. Не запретил бы – не в его стиле было запрещать – но не одобрил бы.

Когда отец жил с нами, моя мать никогда не пела. Она косилась на него, а иногда, когда мы с ним разговаривали, поворачивала голову как на теннисном матче – сначала на него, потом на меня, потом снова на него.

А теперь она пела постоянно. По-моему, жизнь вообще стала гораздо лучше, когда он наконец убрался. Правда, когда я ей это сказал, она крикнула:

– Не говори так!

Я пожал плечами.

– Человеку нужен человек. – сказала моя мать.

Этого я не мог понять. Да и не пытался.

– Человеку нужен человек.

Говорила она это обычно когда гладила, и сама себе кивала головой. Потом посматривала на меня, потому что я в это время обычно сидел, согнувшись, за своим столом и придвинув тетрадь поближе к лампе.

– Угу. – кивал я.

Бессмысленно было с ней спорить.

6

Лет в пятнадцать, через год после ухода отца, я вдруг начал представляться Константином. Не потому, что он так говорил. А потому, что что-то не нравилось мне в обрубленном «Косте», что-то было в этом – брошенная, обгрызанная кость. Насмешка. Утвердительный стук, который слышался в моем полном имени «ннн!», вообще не имел к ней никакого отношения.

Я понял, что отец имел в виду.

– Имя тебя подтянет. – сказал он как-то. Мне было тогда лет шесть. – Уж что, что, а имя тебя подтянет. До планки.

– До какой планки?

Он не ответил. Отец вообще виртуозно умел не отвечать на вопросы.

Я до конца так и не понял, какую религию исповедовал мой отец. Мне сначала казалось, что ту, где были ангелы и черти, и все четко расставлено по двум сторонам. Но потом я понял, что и к добру, и ко злу мой отец относится с одинаковым пиететом. К злу даже чуть с большим. Как к более сильному противнику.

7

Когда мне исполнилось семнадцать лет, я посмотрел на себя в зеркало.

Все потому, что однажды я вернулся домой в десять вечера, и мать спросила:

– У тебя есть девушка?

После того, как она спросила, я включил свет в прихожей – щелкнул по выключателю, и мутное зеркало, в котором отражался я, но в которое я никогда не смотрел, осветилось. Странно – на вешалке висели две отцовские зимние куртки. И одна моя. Он их не забрал, как и никакие другие свои вещи. Мать спрятала его бритву в зеркальный шкафчик в ванной, где хранился йод и мыло, а куртку иногда накидывала на себя, когда спускалась в подвал. Чашка, из которой он обычно пил – зеленая и облезлая по краю – стояла в серванте. Но куртки почему-то особенно сильно бросились мне в глаза. Его не было, а куртки были.

– У тебя есть девушка? – спросила мать.

Она маячила у меня за спиной, ждала ответа.

Так вот. Зеркало. Я посмотрелся в зеркало, и его мутная поверхность отразила мне меня. Ну, я это я. Я редко смотрел на себя – последний раз, кажется, в магазине, куда мать меня повела выбирать костюм на выпускной. Она настаивала, что мне нужен нормальный костюм, а отцовские я носить не мог – он был худее меня. К тому же, я терпеть не мог его запах.

Зеркало отражало мои волосы, не слишком темные и не слишком светлые, приглаженные немного на лбу. Костлявые руки и ноги, рост – средний. Но зеркало закреплено низко, поэтому моя макушка почти доставала до рамы. Рубашку. Штаны. Серые. Свитер. Черный. Лицо.

Обычный человеческий набор. Смотреть особенно не на что.

Единственное, что можно было заметить, так это то, что я стал взрослым. Мне было только семнадцать, но из зеркала на меня смотрел вполне взрослый мужчина. Не знаю, как я это определил, но мне так показалось. Особенно учитывая то, что ни усов, ни бороды, ни даже щетины там не было. Что-то желторотое во мне все-таки оставалось.

Посмотрели бы вы на меня в семнадцать лет. Я вот, например, посмотрел.

Так вот. Насчет девушки. Это как та известная метафора с клеем. Будь спины девушек, которых я встречал, и моя спина намазана клеем, и даже приклейся они ко мне случайно – уже минут через пятнадцать они бы стали предпринимать усилия, чтобы отклеиться, через час им бы это удалось, и они бежали бы куда глаза глядят. Так что клей бы не помог. Никакое количество клея не помогло бы удержать рядом со мной даже самую захудалую пассию.

– Нет. – сказал я матери. – Девушки нет.

8

О том, что со своей жизнью надо что-то делать, я задумался не сразу.

Вернее нет. Я что-то делал со своей жизнью, потому что с ней надо было что-то делать. Это как полоса, по которой надо идти с завязанными глазами, прежде, чем в тебя выстрелят или ты упадешь в море. Понятия не имею, какая полоса, но кажется, я как-то раз видел такой сон. Не помню, этот сон мне приснился уже когда мы были женаты или когда мы еще не встретились. Уже когда были женаты, наверное. Мне крайне редко снились странные сны, но иногда я просыпался посреди ночи, и мышцы спины у меня болели от напряжения, как будто я всем телом защищался от чего-то. Когда были такие сны, я вставал и ощупью шел на кухню. Когда я возвращался, она лежала рядом и дышала. Я не знаю, просыпалась она или нет.

В одном таком сне я шел по полосе с завязанными глазами и знал, что далеко мне не уйти. И одновременно смотрел, как я иду. Я смотрел себе же в спину. И стрелял тоже я? Не могу понять. В сне слишком мало времени, чтобы проанализировать происходящее. Тебе показывают картинку. Вот и все.

Я двигался по узкой полоске. Кажется, она была покрыта толстой белой тканью,. Наподобие мешковины. В конце концов я дошел до конца ленты и ухнул вниз. Помню, что летел совсем недолго до того, как проснулся.

Надо было двигаться вперед. Это я понимал. Я очень слабо представлял, куда, потому что кроме того, как движутся большие механизмы, как перекачиваются у них внутри железные куски, как стучит двигатель, как урчит и сокращается невидимая пружина, мало что меня привлекало. Именно поэтому я пошел на инженерию.

В жизни надо двигаться вперед. Надо шагать и одновременно думать, куда шагаешь, а у меня получалось только шагать. Я, казалось бы, должен был четче планировать свой курс, но мне не хотелось думать об этом. Мне не хотелось думать о будущем. И в любом случае. Будущего не существовало.

9

Надин я встретил на своей первой работе.

Работать я начал сразу же, как выпустился из университета – дальше жить в материнской квартире я не мог, хотя бы потому, что мне хотелось просыпаться и засыпать одному и не в своей детской, а потом подростковой комнате, где все еще хранились тетрадки, с которыми я ходил в пятый класс, и ботинки, которые были мне на два размера малы. Я бы с удовольствием их выкинул, но моя мать принципиально ничего не выкидывала.

– Ты что! – говорила она, и бережно относилась тетради на их старое место. – Ты что! Это же память!

Память о чем, хотелось бы мне знать. Но я с ней не спорил.

Квартиру я в итоге снял старую, с бабушкиной мебелью и скрипучими деревянными полами, кое-где облезлыми. Она была близко к работе и меня устраивала. Диван, правда, пришлось заменить – он был продавлен до такой степени, что через две недели лежания на нем у меня начала болеть поясница.

К счастью, за шкафом оказалась заткнутая туда раскладушка, на которой я и спал последующие два месяца, пока не купил другой диван. Можно было бы положить матрас на голые доски, но у меня было подозрение, что на кухне водится мышь, и потом, на раскладушке было всяко удобнее.

Мышь мне долго не удавалось поймать – она шуршала по ночам, шуршала, но каждый раз, когда я ставил мышеловки или с фонарем выходил на ее поиски, шум прекращался, и она грамотно выходила, уж не знаю как, из-под линии огня. В конце концов я пришел к выводу, что это умная мышь, и незачем лишать ее шанса на жизнь.

Поэтому к мыши у меня больше претензий не было – она исчезла куда-то сама, и больше не шелестела. Наверное, соседи потравили.

У Надин – она не любила, когда говорили «Надя», а требовала, чтобы все называли ее Надин – были черные волосы и тонкое бледное лицо. Губы обкусаны, а глаза жадные, и она водила ими следом за мужчинами, а пальцами, если все сидели в баре или на каком-нибудь корпоративе, крепко обхватывала свой бокал.

У нее была репутация. Не то, чтобы той, которая спит со всеми подряд, но той, которая «прицепится к мужику и вот увидишь, уже не упустит, ее стряхнуть тяжелее, чем бешеную собаку», как поэтично выразился один мой коллега. «Такие приклеятся намертво, и либо жениться, либо менять номер телефона».

У меня не было мыслей стряхивать ее, как бешеную собаку. С другой стороны, мысли о том, что я могу ее чем-то заинтересовать, у меня тоже не было.

Помню, я сидел и думал, как мне по-тихому свалить с очередной вечеринки. Я каждый раз об этом думал – в большом скоплении людей мне неизменно было неловко. Я не интересовался рыбалкой, не был спортивным фанатом, не любил ни пиво, ни водку и ненавидел, когда меня хлопают по плечу. Но приходилось выдерживать какое-то количество этого, прежде чем можно было уйти.

Зал уже наполнялся дымом – сухой лед, и я пристроил на спинку стула куртку, готовясь незаметно уйти. Дверь была в десяти метрах, надо было только откланяться с начальником, или, в крайнем случае, хотя бы кивнуть ему головой.

Надин танцевала с каким-то другим коллегой в рубашке и жилете, и ее пальцы с длинными, красными ногтями впились ему в плечи. Коллега придерживал ее за талию. Они раскачивались на месте. Когда они развернулись, коллега оказался ко мне лицом, а она спиной. Выражение лица у него было страдальческое.

Я поднялся, чтобы уходить, сделал этот самый кивок, накинул куртку на плечи и, уже открывая дверь, вдруг обнаружил, что Надин каким-то образом оказалась рядом.

– Уже уходишь?

Из-за громкой музыки было с трудом слышно, что она говорит.

Я понятия не имел, что делать, поэтому распахнул перед ее носом дверь. Она бросила через плечо на коллегу, которого оставила на танцполе, ядовитый взгляд, и прошла через дверь.

Я в два шага нагнал ее.

– Так что? Уже идешь домой?

Только тут я заметил, что она пьяна. Тушь у нее растеклась, рукой она беспорядочно отряхивала короткую юбку – непонятно от чего, потому что ни пепла, ни пятен я на ней не видел.

– Иду.

Я натянул куртку.

– Мм. Дашь прикурить?

Она наклонилась ко мне, ее повело, и одной рукой, все теми же длинными красными ногтями, она ухватила за мое плечо.

– Я не курю.

– Жжаль. – сказала она басом. – Жжаль.

Я застегнул молнию до подбородка. Вечер был холодный.

– Ну, я пошел.

Она все еще держалась за мое плечо, и, по правде говоря, я понятия не имел, как стряхнуть ее пальцы. Не будешь же просить, чтобы она от тебя отцепилась.

На таком расстоянии я чувствовал запах ее духов – каких-то тяжелых восточных цветов, может быть, лилий, а может быть, ирисов. Я не знал, как пахнут ирисы. Как она?

– Вызовешь мне такси?

Ее глаза были полузакрыты, и она опиралась на меня она все более и более сильно. Я опасался, как бы она не упала и не сбила меня с ног.

В такси, куда я в конце концов запихал ее на заднее сиденье, она не смогла толком сказать свой адрес – только бормотала что-то про подругу, подругу Соню. Подруга Соня ничего ни мне, ни водителю не говорила, и в итоге мне пришлось сесть на переднее сиденье и назвать свой адрес. Пока мы ехали, она слегка то ли стонала, то ли мычала, и водитель косился на меня с неодобрением.

Когда мы приехали, я все-таки поблагодарил его – в конце концов, он-то в чем виноват – сунул ему купюру в пятьсот рублей, и практически взвалил Надин себе на плечо. От холодного воздуха она проснулась и озиралась по сторонам.

– Мы где?

– У меня. – я оглянулся на здание и уточнил. – У моего подъезда. Ты не сказала мне свой адрес.

Она некоторое время нерешительно вглядывалась в меня.

Сейчас спросит, а ты кто.

– Кон-ссстантин. – выговорила она наконец. Потом начала энергично трясти головой, как будто пыталась вытряхнуть воду из уха. – Кон-стан – - тин.

– Да. – подтвердил я.

Отрадно было, что она помнит, как меня зовут.

10

По лестнице мне пришлось втаскивать ее почти на руках. Лифта у нас нет, а она была довольно тяжелая. Хорошо, что из квартиры на третьем не выглянула бабуся, которая тут всегда бдит. Видимо, в час ночи и у нее не энергии не хватает.

Придерживая Надин одной рукой, я доковырялся в замке и открыл дверь, дотащил ее до дивана и осторожно опустил туда. Черные волосы разметались и закрывали ей все лицо. Я осторожно отвел их в стороны.

Она спала.

На цыпочках я вернулся обратно в прихожую. Закрыв за собой дверь – открытая оставляла странное ощущение небезопасности – и запер ее изнутри на ключ. Сорвал с крючка и пристроил на спинку стула свою куртку. Поставил будильник – была пятница, и еще не хватает, если из-за нее я опоздаю на работу.

Я так устал, что с трудом стащил ботинки, улегся рядом с ней на диван и заснул прежде, чем успел подумать, что все это значит.

Проснулся я оттого, что кто-то сидит на мне верхом и расстегивает мои брюки. Серые. И шарит под свитером. Черным.

За окнами было все еще темно, но уже начинало светлеть.

Это как во сне. Такая ситуация, что не успеваешь подумать, что делать. Ты уже идешь по белой полосе вперед, а времени у тебя мало.

Я приоткрыл один глаз, потом – с трудом – приоткрыл оба и воззрился на нее. Она сняла рубашку и была в одном бюстгальтере. Он был весь в рюшах и, похоже, держался на какой-то проволочной конструкции, которая теперь нависала прямо перед моим носом..

– Ну? – спросила она. – Ну, что же ты?

Таким и был мой первый раз.

Станным. Наверное надо сказать странным. Мой первый раз был странным. Я понятия не имел, как это делается, и она, судя по всему, не собиралась проводить мне вводный курс. Но в этом нет особо ничего сложного.

Одна из петелек на ее бюстгальтере была оторвана – я заметил это машинально, взглядом в который раз упираясь в ее грудь. Кружево – если постирали слишком много раз, ткань истончается и рвется. И на коже остаются красные полосы.

У нее было тело, для которого секс не был чем-то новым. Не знаю, как я это определил, но оно было какое-то монолитное, крепкое, привыкшее принимать в себя. Она делала это как-то отчаянно, как будто хотела показать – вот, смотри, я здесь, ты видишь меня, я в твоей квартире, теперь ты видишь меня? Я сижу на тебе, я прямо здесь.

Я видел ее в полумраке, а за окнами становилось все светлее и светлее.

Когда она закончила и слезла с меня, я косил глаза на часы. Было половина седьмого. Через полчаса уже надо вставать.

Она потянулась и положила голову на мое плечо. Голова была не очень тяжелая, а ее черные волосы разметались у меня по груди. Они все еще пахли ее духами, и немного – телом.

Внутри у меня было пусто.

Ты, наверное, всякое любишь, да, спросила она. В смысле всякое. В смысле интересные штучки всякие. Что тебе нравится, а.

Я закрыл глаза и посмотрел в темноту. Я слышал ее вопрос, конечно, слышал, но до меня он не дошел. Иногда до меня как будто не доходит, что хотят от меня люди. Слова существуют, кладутся в пространство, но ко мне не приближаются – я смотрю на эти слова и не понимаю, почему они имеют ко мне какое-то отношение.

Ее голос раздался снова. Ну? В этот раз она повторила нетерпеливее. С женщинами что любишь делать. Нравится тебе что. Со связыванием? С игрушками?

При слове «игрушки» у меня перед глазами возникла деревянная подставка с тремя ключицами петухами, которую я, когда только въехал в эту квартиру, нашел в шкафу, и набор из трех покоцанных, но ярких матерешек.

Ну, сказал я сонно, не разлепляя глаза. У меня настольная игра есть. Поиграть с кем-нибудь было бы неплохо. Так редко, понимаешь, выдается возможность поиграть.

Она замолкла. Потом спросила, хихикнув, на раздевание, что ли. Мы же и так раздеты, подумал я. Но ничего не сказал.

Кажется, я заснул, потому что когда проснулся, то понял, что разбудило меня клацанье в соседней комнате. Ее рядом не было, а часы у меня на запястье отчаянно пикали, и я, потирая поясницу, перекатился, поднялся и, осторожно спустив ноги с дивана, пошел ее искать.

Она выдвигала ящики моего стола и рылась в них. Судя по виду дверцы комода, тот тоже был проинспектирован. Увидев меня, она смутилась.

– Извини.

Подошла и положила руки мне на плечи.

– Мне просто хотелось посмотреть... есть ли у тебя... ну. Всякие интересные... предпочтения.

Она поцеловала меня сначала в одну щеку, потом в другую.

– Денег нет. – сказал я на всякий случай. – В этой квартире вообще денег нет.

Она резко сорвала свои руки с моих плеч.

– Не нужны мне твои деньги!! Я тебе не шлюха!!

– Не шлюха, – подтвердил я. – Хочешь кофе?

Я предложил не потому, что мне так уж хотелось поить ее кофе. Я предложил потому, что мне самому его хотелось.

– В столе старые фото только. – сказал я зачем-то. – Ты, наверное, их видела.

Она издала звук, который звучал как «пффф».

– И часы моего дедушки. «Луч». Если интересно. Во втором ящике.

11

Пока я заваривал кофе, она пристроилась на кухонном табурете, изящно сплетя ноги. Чашку она взяла одними пальцами, и поднесла ко рту.

– Ну.

Я ничего не говорил, потому что все еще переливал кофе из турки в свою чашку. Моя была белая с коричневой каймой, а ее – белая с синей каймой.

– Знаешь, – сказала она, когда я наконец уселся. – Ты отличный парень. Странный, конечно. – она посмотрела в кружку. – Странный малясь. Но хороший.

Я молча отхлебнул из кружки.

– Ты мне так и не сказал, что тебе нравится, кстати. – сказала она преувеличенно бодро, как продавец на кассе, который спросил, буду ли я брать товары по акции, и теперь ждет ответа. – Может... с завязанными глазами? В необычных позах? Стоя?

– Стоя? – переспросил я.

– Ну. Некоторым нравится прижать свою женщину к стене! – она отхлебнула большой глоток кофе и закашлялась.

Я подумал про банки с сахаром, крупички которого блестели в темноте. Про клеенку в потертых розах, на которую она поставила локти. Про вилки, которые мирно сушились возле раковины. И про карту мира, которую я прицепил к стене за ее головой – старого образца, и контуры стран уже не такие, какие они сейчас.

Также я подумал про «свою женщину» – и походя удивился. Какую свою?

– Лучше не надо, – сказал я. – Я не уверен, что смогу тебя.. удержать.

На это она фыркнула и резко встала из-за стола.

– Не хочешь говорить, не говори.

Когда допил кофе и пришел в комнату, я обнаружил, что она всхлипывает и натягивает свои колготки. В колготках в районе большого пальца была дыра, и от нее к щиколотке бежала некрасивая стрелка.

– У тебя нет других? – спросил я. – Целых.

– Нет, – бросила она, и сердито вытерла нос тыльной стороной ладони. – И вообще. Я ухожу.

Потом она с трех попыток не смогла открыть входную дверь. Я в это время мыл чашки на кухне. Она вернулась туда и сердито, шмыгая носом, спросила:

– Ты насильно, что ли, меня тут удерживаешь? Против моей во-о-ли? – последнее слово она затанула, как собака, которая вдруг начинает выть, внезапно и целой руладой.

На что я заметил, что если ты не понимаешь принцип работы задвижки, не обязательно делать такие далеко идущие выводы. Надо просто отодвинуть и повернуть ключ в замке, один раз. Что тут непонятного?

Она гордо удалилась из кухни. Потом пришла опять и сказала, что у нее не получается. И что диван у меня слишком жесткий, сам я странный и вообще извращенец.

А все из-за замка, подумал я. Вздохнул и пошел открывать ей дверь.

Когда я наконец ее открыл – за две секунды – она гордо, задрвав подбородок вверх, выплыла на лестничную площадку.

потом обернулась.

– Даже не возьмишь мой номер телефона?

Не дожидаясь ответа, она повернулась и пошла. Я стоял и смотрел, как она, нетвердо держась на ногах, спускается по лестнице.

Потом я закрыл дверь.

До сих пор не понимаю, зачем делать это стоя.

12

Это в моей жизни случалось часто. Повторялось часто, я имею в виду. Когда от меня вроде бы ожидалось, что я должен что-то сделать, но только я не очень понимал, что.

Иногда я узнавал об этом сильно потом.

Я не особо думал о Надин. По правде говоря, я почти сразу же о ней забыл. Иногда видел ее в столовке, или в коридоре, когда она шла мимо, вся застегнутая в черный костюм, и громко разговаривала со своим начальником, который шел рядом.

Как-то я случайно подслушал, как она обсуждает меня с подругами у кофейного автомата – серой комнате, где стояли автоматы по продаже еды, неработающие, но светящиеся тусклым голубым светом.

– Ты что? С ним? С этим занудой? – номер один тоненько хихикнула. – Ну ты даешь! Я думала, ты с Максимом уехала!

– У Максима же девушка есть? – номер два.

– А он мне сказал другое, – обиженный голос Надин.

– Ну, может, уже и нет, – поспешила успокоить ее вторая. – Девушки они такие. То есть, то нет. Особенно если не живут вместе. Дело такое.

– Так ты... с ним? – не унималась первая. – Как тебя угораздило? Он же скучный, как.. как носки в клеточку! И холодный небось.

– Ничего не умеет. – подтвердила Надин. – Вообще ничего.

– Какая-нибудь клуша в конце концов подберет, – отозвалась вторая. – Научит.

– Научишь такого. – Надин зашлась хриплым смешком.

– Ну он же молодой еще? – спросила первая.

– Да и что, что молодой. Женщину небось в первый раз видит.

– Ты что, его... – опять зашлась первая. – Девственности лишила?! Ха!

– Не. – отозвалась Надин быстро. – Кто-то там уже был.

– Но ничему не научила! – продолжала веселиться первая.

– Пойдемте, девочки. – Надин вздохнула, и я попятился от двери.

– Максим про тебя спрашивал. – сказала вторая осторожно.

– Скажи ему, что я занята. – отозвалась Надин. – У меня сегодня вечером свидание.

– Что, первое?

– Не-а. – сказала Надин загадочно. – Не первое. И я думаю, это мой мужчина.

Меня это не особенно задело. По правде говоря, я понятия не имел, что она имела в виду, когда говорила, что «какая-нибудь клуша меня подберет».

Мне на тот момент было уже двадцать восемь, и никакая «клуша», как она выражалась, меня не подобрала – и я сильно сомневался, что так оно и будет.

На ком только не женятся, сказала однажды моя мать. Эту фразу я слышал и раньше, но из ее уст – впервые. На ком только не женятся. И кто только не женится. Любовь – это загадка.

Интересно, что важнее – кто или на ком. Наверное, и то, и другое одинаково важно.

13

Мне это казалось какой-то программой. Программой, которую все должны выполнить.

Вокруг меня было много людей, которые много чего имели против программы. Я против программы не имел ничего. Быть одному меня не пугало, я воспринимал это как что-то само собой разумеющееся. Идти по программе меня тоже не пугало – в конце концов, у всего есть какие-то рамки. У жизни тоже есть какие-то рамки. Вход и выход. Почему бы и нет?

Я не раз видел, как кто-то тратит много усилий на то, чтобы бесконечно объяснять, зачем он отклонился от программы. Вначале выгибается, пытается вырваться из нее, дергается, стараясь выдернуть оттуда застрявшие части. По мне так гораздо проще пройти мимо нее. Подо ней, параллельно ей. Все будут считать, что ты нормальный. Все будут считать, что тебе просто не повезло.

Часто говорят – где же я найду вторую такую. Где я найду вторую такую жену, вторую такую, как она.

Я изначально знал, что я не найду вторую такую.

Я и в том, что найду такую первую, не был уверен.

А ее мне просто выдали, выдали одну и в единственном экземпляре. Я особенно никогда не спрашивал, почему мне выдали именно ее. Это была случайность, странная случайность, но я не стал ничего спрашивать, почему, потому что был уверен, что второго такого квитка на бесконечный распределитель невест не будет.

Иногда мне кажется, что жизнь – пустая коробка. Автобус, вроде того, в котором я каждое утро еду на работу, тоже, но автобус – это время. Оно всегда идет по маршруту из прошлого в будущее.

А пустая коробка потому, что каждый набивает ее чем придется, только бы не чувствовать растущую пустоту.

14

Я уже говорил, что Лена – Леночка, как её все называли – была совсем не такая, как нравящиеся мне худые и костистые девушки, с выпирающими вперед ключицами, длинными волосами и глазами, как у лесных фей на картинах, когда они выглядывают из лесной чащи. Леночка существовала в реальности, а они существовали в воображении. Преимущественно в моем, но в чем-то еще, возможно, тоже.

Жены вообще существуют в реальном мире, и с этим иногда трудно смириться. Концепт жены некоторым людям куда приятнее, чем факт самой жены, ее физическое присутствие.

Кровать с ее стороны была продавлена округлым отпечатком тела. На подушке после нее оставались тонкие белые волоски. Она беспокойно поднимала голову с подушки, резко вставала и шла по своим делам, спешила, беспокоилась – я ни разу не видел, чтобы она залеживалась допоздна или вообще лежала в кровати хотя бы пару минут после того, как проснулась.

Ее ложка, аккуратно вымытая, была в такой же аккуратно вымытой чашке. Она всегда оставляла их вместе – ложку и чашку. Хотя все остальное мыла и раскладывала по местам, или я мыл и раскладывал по местам, но тоже оставлял их вместе, не решаясь разлучать.

Она наводнила мой мир своими предметами. Странно, как незаметно, но как до краев они наполнили мою квартиру. Даже старую мебель в конце концов пришлось выбросить.

Когда-то я читал рассказ Мопассана «Пышка», и она была такая. Не в смысле толстая и проститутка. А в смысле у нее было это ощущение собирания вокруг себя тепла. И одновременно, когда я ее встретил, я подумал – у нее поджатые, дрожащие губы человека, которому не везет.

Я встретил ее... вообще-то я ее не встречал. Я уже говорил – мне ее выдали.

Но что произошло, так это то, что я всегда ездил на автобусе на работу с одной и той же остановки. У края проспекта, когда он из широкого становился узкой улицей, которая кривилась и уходила вдаль между низкорослых домов на краю города, и кустов сирени, которые торчали из-за забора с другой стороны.

Эта остановка была в самом центре спального района, и уже к восьми утра на ней собиралось ужасно много людей. Человек тридцать. Школьники с рюкзаками, усталые матери, которые держали своих детей за рукав пуховика, рабочие с серыми от усталости лицами, мужчины с портфелями в узких черных брюках и кепи, надвинутых на уши. Все они, скруглив плечи, ждали автобуса, готовились в него залезть, неизящно оттолкнув плечом менее удачливых товарищей. Я ненавидел лезть впереди всех, и обычно задерживался и влезал в автобус последним. Если вообще влезал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.